

Хана

Снаружи — звездопад, и с каждой падающей звездой вокруг раздаются крики.

— Вон она!

— Уже целых четырнадцать!

— И еще одна! Справа!

— Всем тихо, я сказала! — кричит Мариан.

Никто не обращает внимания ни на нее, ни на Йона. Водитель, нахмутив брови, оглядывается на учителей, как будто это они нарушают тишину внутри автобуса или по их вине два десятка подростков ни на секунду не замолкают, буквально прилипнув к окошкам. В защиту Мариан и Йона нужно сказать, что в действительности немногим учителям удастся держать дисциплину, когда в экскурсионный автобус набивается целый класс. Конечно, цель экскурсии как раз и заключалась в том, чтобы остановить-

ся посреди поляны и наблюдать звездопад, но и это не особо спасает ситуацию.

Автобус, очевидно, запаздывает, потому что первые звезды уже падают. По крайней мере, так говорят друзья Ханы — они сразу начали соревноваться, кто больше насчитает. Хана пока еще не видела ни одной, но ее внимание и не было обращено к звездному небу: жизнь внутри автобуса куда интереснее.

— Хана, сиди спокойно на своем месте! Я не намерен это повторять, — ворчит Йон.

В реальности слова учителя звучат не так угрожающе, как в его воображении, вероятно, потому, что он уже в третий раз произносит одно и то же: «Я не намерен это повторять!».

Хана послушно улыбается и, протискиваясь между одноклассниками, возвращается на место. Ирис, расположившаяся на соседнем сидении, продолжает что-то активно печатать с включенным над креслом светом — она не перестает строчить сообщения с самого начала пути. Хана обожает свою подругу, но длинные разговоры не ее конек. Хотя Хану это и не расстраивает (она не прочь поговорить за двоих). Но сейчас девочка предпочитает оставить подругу наедине с собой и сосредоточиться на экскурсии. Как только Йон отворачивается, чтобы отчитать кого-то еще, она вновь взбирается с ногами на сиденье и выглядывает через спинку.

— Уже придумал, что загадаешь? — воодушевленно спрашивает она у Габриэля.

Друг переводит на нее взгляд, повернув голову, и на оконном стекле остается след от его щеки.

— В смысле?

— Ну так принято! Нужно загадывать желание, когда видишь падающую звезду.

Не дождавшись ответа, она слышит голос у себя за спиной: в разговор вступает Луна, и Хана оборачивается, чтобы лучше ее видеть.

Вытянувшись вдоль спинки сиденья, Луна смотрит на них, как на маленьких детей, готовящих печенье к Новому году.

— Ты же знаешь, что это ненастоящие звезды? — спрашивает она, щурясь через розоватые стекла очков. Окружающие считают стиль Луны немного странным, но Хане он нравится — весьма оригинальный.

— Что именно?

— Падающие звезды. Это комки пыли или куски астероидов. Они сгорают, пробивая атмосферу, поэтому и кажется, что сияют, как звезды. Но это неправда.

В такие моменты становится понятно, почему Луна не нравится большинству ребят в классе. Хана уверена, что на самом деле это не так плохо и что в любой другой ситуации (ну, или почти в любой) она охотно записалась бы к ней на уроки астрономии. Но сейчас нужно было следить за происходящим вокруг: на заднем ряду Алекс пытается хакнуть автобусный Wi-Fi, Эрин о чем-то перешептывается с Уго,

своим парнем. Или бывшим парнем? Нет, кажется, они снова вместе, удивительно...

— Ну, если это куски астероидов, то так неинтересно. Что такого необычного можно сделать с куском камня? — спрашивает Габриэль.

Луна застывает на мгновение, и по ее виду непонятно, что она собирается сделать — дать ему подзатыльник или плюнуть ему в лицо. В итоге она, не ответив, возвращается на свое место, достает книгу из рюкзака (кому придет в голову брать книги на экскурсию?) и начинает читать, положив ноги на пустующее рядом сиденье.

Мариан и Йон уже давно сдались, поняв, что их план по обеспечению порядка с крахом провалился: теперь же они рассказывают про звездопад тем немногим, кто проявляет интерес. Их голоса сливаются с бормотанием, доносящимся издалека до Ирис и Ханы, укравшихся одним пледом. Почти все вокруг перешептываются, и Хана так хочет выставить ухо и подслушать, о чем же они говорят, но она не может оторвать взгляд от звездного неба. Ей уже все равно на соревнование (Габриэль сказал, что уже видел

тридцать две падающие звезды. Хана лишь удивляется: неужели он и вправду думает, что кто-то ему поверит?).

— Эй, а ты небось уже нашла планету, с которой прилетела? — раздается чей-то смех.

Конечно, это адресовано Луне. Сделав вид, что ничего не слышит, та продолжает вглядываться в небо, параллельно что-то записывая в своем блокноте в кожаной обложке. Ирис, лежащая рядом с Ханой, приподнимается, оперевшись на локоть, чтобы посмотреть на шутника, и заявляет:

— Зато я твою нашла. Передают, чтоб ты не спешил возвращаться.

Мариан шепотом велит им прекратить болтать, и Хана продолжает вглядываться в очертания звезд. Она молчит, и Ирис тоже. На этот раз слова излишни.

Когда Мариан и Йон уже сопроводили учеников до кемпинга, Хана мысленно спрашивает себя, почему они так долго смотрели на звезды, хотя и подозревает, что похрапывание, доносящееся из-под учительских покрывал, было напрямую связано с их чувством времени.

В лунном сиянии и в свете фонариков палатки выглядят как огромные таинственные монстры, поджидающие в темноте. А если вспомнить про шепот, шум травы, стрекотание сверчков, то это место и вовсе напоминает сцену из какого-нибудь ужастика — Хана их просто обожает.

Возвращаясь в палатку, Хана сталкивается с Габриэлем, и тот легонько хлопает ее по спине. Конечно, при таком свете особо ничего не разглядишь, но ей кажется, что улыбка друга омрачена нотками сожаления. И, повернувшись вполоборота, Хана понимает почему: через нейлоновый проем в их палатку проскальзывает Луна.

Ирис уже внутри. Экран телефона подсвечивает голубые волосы и лицо подруги, делая ее похожей на привидение: она с кем-то переписывается. Ирис приветствует их без особого энтузиазма, не отрывая взгляд от телефона. Хане любопытно, с кем она говорит. Наверное, желает доброй ночи своему брату. Либо же речь о ком-то гораздо более интересном, и надо бы о нем спросить... Но это уже завтра. А сегодня ее ждет более важная миссия.

У Ханы есть настоящая суперспособность: она может говорить даже с растениями (в буквальном смысле). Однажды она болтала с фикусом в очереди в поликлинике, и только десять минут спустя поняла, что по ту сторону никого нет. Ладно, допустим, что Ирис и Луна не самые разговорчивые девчонки, но... они выбрались на природу с классом! И кто вообще спит в школьных поездках?

Что-то подсказывает Хане, что звездопад — отличный повод начать хоть какой-то разговор. То ли это инстинкт, то ли воспоминание о Луне, рассказывающей в автобусе о метеоритах и астероидах, то ли ее пижама, украшенная яркими созвез-

диями, отражающимися в свете экрана Ирис, кто знает...

Поэтому Хана решает сосредоточить свое внимание на Луне, игнорируя невнятные призывы к тишине, которые Мариан шепотом бросает каждый раз, проходя мимо их палатки. Однако, разговор был испорчен не этим.

— Оказывается, падающие звезды на самом деле не звезды, ты знала об этом, Ирис? — спрашивает Хана и подталкивает подругу локтем, чтобы та подыграла, отчего ее спальный мешок слегка поскрипывает.

— А, правда?

«Актриса из нее ужасная», — думает Хана. «Жаль, что она не пошла со мной в театральный кружок, сейчас бы это пригодилось».

— Ага, представь! Это... обломки астероидов, которые... ну... Луна, как там ты говорила? Ты лучше объяснишь.

Ответ Луны предельно лаконичен — она перекачивается на другой бок в своем спальном мешке, демонстративно отвернувшись.

— Хана, отстань от нее, пусть спит, — шепчет Ирис и наконец-то выключает телефон.

И тут Хана замечает светящийся экран в руках Луны.

— С кем ты говоришь?

— Тебе какое дело?

— Просто интересно.

— Ни с кем, — Луна резко обрывает разговор, и по ее тону ясно, что продолжения диалога быть не может.

Да и сама Хана не осмеливается задавать еще вопросы. Она даже начинает сомневаться в своей суперсиле.

Тишина опускается на палатку, и теперь снаружи слышны все шорохи и скрипы. И даже чье-то хихиканье. Хана готова поспорить, что остальные одноклассники выбрались из своих палаток и направляются в лес. Идут развлекаться. Без нее.

Как только Хана решает высвободиться из спальника, надеясь подглядеть, что же именно там происходит, Луна поворачивается и шепчет:

— Вы еще не спите?

Внутренний голос велит Хане промолчать, и она всегда его слушается. Обычно чутье ее не подводит (ночи перед экзаменами — не в счет, когда этот самый голос настойчиво твердит: «Нет, тебе незачем повторять Первую мировую, тебя не спросят о чем-то настолько очевидном, как Первая мировая»). Но сейчас Хана не на экзамене, поэтому она не издает ни звука и всеми силами старается телепатировать Ирис, чтобы та тоже промолчала.

— Я, да, — говорит подруга, и Хана в очередной раз убеждается, что Ирис так себе телепат.

— М-м-м, окей... я в туалет, — слегка замешкавшись, бормочет Луна. Не дожидаясь ответа, она дергает за молнию и ускользает из палатки.

Да, Ирис, конечно, никудашная актриса, но по сравнению с Луной она прям Дженнифер Лоуренс.

Как только брезентовая дверь снова закрывается, Хана выпрямляется, а Ирис вздрагивает от испуга. Внутри палатки просачивается только лунный свет, вокруг практически ничего не видно, но это не самая большая проблема. Благодаря занятиям в театральной студии Хана отлично знает свое тело и чувствует каждое свое движение... Но не тело Ирис, спальный мешок которой оказался гораздо ближе, чем она ожидала. Хана много чего знает о своей подруге, но этой ночью копилка пополнилась новым любопытным фактом: Ирис не любит, когда на нее наступают во время сна.

— Тс-с-с-с, прости, прости, прости, пожалуйста... Я тебя не заметила!

